

ПРОЛОГ

Стояло ясное утро, обещавшее горожанам прекрасный день. Блуждали по своим делам утренние коты, над асфальтом потихоньку собиралось марево, а престарелая почтальонша, спеша управиться с разносом до жары, добралась-таки до последнего адреса.

Поднявшись на четвертый этаж, она позвонила в дверь.

Не открывали довольно долго, так что женщина успела со вздохом вспомнить добрым словом старые деревянные двери, представлявшие собой полноценные коммуникационные амбразуры. Тогда было слышно все: идут — не идут, дома — не дома. И все-таки наконец лязгнула шторка глазка и спросили:

— Кто там?

— Телеграмма для Коржовой, — отозвалась почтальон.

Дверь открыли, и на пороге предстал обаятельный, пусть и бритый налысо, светлоглазый молодой человек простодушного вида. Сконфуженно застегивая молнию на спортивном костюме, он протянул руку и сказал, заметно картавя:

— Большое спасибо. Прошу прощения, что так долго, где проставить визу?

— Простите, расписаться должна сама гражданка Коржова, — напомнила почтальон.

Молодой человек хлопнул себя по лбу и немедленно покаялся:

— Тысяча извинений, как я сплеховал! Просто давно дел не имел с телеграфом.

Она добродушно кивнула, обмахиваясь газеткой (все-таки уже парило):

— Это понятно, — и подумала про себя: «Где уж тебе, малютке. Последний раз, судя по всему, когда бабушке на Восьмое марта открытку отправлял, цепляясь за мамку».

— Буквально минуточку, — попросил он и скрылся.

Были слышны стук в дверь, плеск воды, невнятное бубнение, его приятный картавящий говор: «Аллочка, крошка, телеграмма для тебя. Нет-нет, не выходи из ванны, продует. Вот тебе перо. Только ручки вытри. Осторожно, не поскользнь».

— Вот, пожалуйста, — вернувшись, мужчина представил подписанный бланк, — а вот это вам, за труды.

И протянул тысячную купюру.

— Нет-нет, отказа не примем, обидите.

Почтальон удивилась щедрым чаевым, но не противилась, попрощалась и ушла. Человек пробежал глазами текст телеграммы, пожал плечами, пробормотал: «К-курицы», — и порвал депешу на мелкие кусочки.

И вернулся в ванну, к прерванному занятию. Надо все вымыть, а то, чего доброго, придется самому ремонт делать, до продажи.

Да, и по окончании мероприятия надо бы скататься куда-нибудь — проветриться и разжиться новым паспортом.

ГЛАВА 1

Ах, как приятно пахнет в центре одного из крупных культурных центров России! Жарой, бензином и глупостью. Тут, в одном из загончиков пятикомнатного коммунального дворянского гнезда, рассерженно щебечут две представительницы семейства коренных горожанок — Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна.

Эти манерные и утонченные дамы были не из радушных хозяек. Они из тех, которые немедленно выявляют «понаехавших» по манере произносить слова или называть вещи, и приступают к активному презиранию. А равно и наотрез отказываются переезжать из «центра» к «чертям на куличики» — даже если это касается районов, вот уже полсотни лет как обжитых получше всех «центров» вместе взятых.

Иначе говоря, две старые девы-сестрицы, обитающие в одной из пяти комнат, и держащие оборону против «понаехавшего» соседа, нагло предложившего расселение, то есть купить им по отдельной квартире в двух станциях метро отсюда.

Старые девы кипели и пускали пар. Это было их перманентное состояние, практикуемое по любому поводу, будь то трамвай, звенящий под окном, слишком громко плачущий младенец — и, само собой, наглый сосед.

Лично против него они ничего не имели. Он рук не выкручивал, не угрожал и не намекал, ни на чем не настаивал, просто появлялся раз в месяц и повторял свое предложение. Получая гневные отповедь с отказом, вздыхал, пожимал плечами, вежливо прощался и уезжал до следующего раза.

Негодование усиливалось тем, что вот уже трое хозяев трех комнат на ура приняли предложения щедрого соседа, и теперь, по истечении пяти лет, сожалели лишь о том, что не приняли его ранее. В коммуналке держали оборону только Агния и Алевтина.

Еще большее негодование порождал тот факт, что одной из ренегадин стала не кто иная, как их родная сестрица, Алла Сергеевна. Она, в отличие от них, имела отдельную комнату. Почему у нее была целая и неделимая площадь, а у них — одна на двоих, это отдельная история (и повод для негодования). Вспоминая подробности, сестры скрежетали протезами: опять-таки, в отличие от них, сестрица обладала легким приятным нравом, за счет чего не только связала себя узами брака с соседом по коммуналке, тихим и приличным милиционером, но и пережила его.

Ко всем своим чудачествам и преступлениям присовокупила то, что запросто рассталась

со своей комнаткой и въехала в замечательную однушку в тихом славном районе всего в полчаса езды от них.

Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна вполне могли принять одно из многочисленных приглашений сестры приехать на чашку чая, но не принимали. Все телефонные номера отщепенки безжалостно блокировались, а следы звонков — уничтожались.

Добродушная сестрица не унималась. Пытаясь достучаться до обиженных дур, она перепробовала все способы, в том числе отправила как-то приглашение на суаре по почте — одно на двоих! новое оскорбление! — и старые девы просто вскипели. Негодование поднималось неудержимо, как пена на сбегавшем молоке, и они не поленились в свою очередь выйти на связь, прислав нахалке изысканно-оскорбительную телеграмму. В этой депеше они изложили свое видение ситуации, поведения и, вообще, возможности общаться с отщепенцами и предателями своих корней.

После этого попытки воссоединения с родственницами прервались. Спустя какое-то время — прошло около полугода или восьми месяцев, — Агния и Алевтина Сергеевны вдруг занервничали. При всех своих чудачествах они в глубине души сохранили остатки совести и родственных чувств. Вскрылся этот факт довольно курьезным образом: обе сестрицы одновременно получили уведомления о невручении телеграмм, втайне друг от друга отправленных ими на адрес сестры.

Смушение поодиночке было мимолетным, поскольку совместное негодование было куда более комфортным и привычным состоянием. И повод как раз был: отправленные телеграммы вернулись с отметками: «Не вручена в связи с убытием адресата».

— Варвары, — процедила Агния, вернувшись с почты. Несмотря на закаченный скандал, подлые почтовики и не подумали вернуть деньги: мол, сами указали адрес и получателя, а если адрес не тот, или, как тут, адресат выбыл и телеграмму не получил — то сами и виноваты. А уж ссылка на собственную виновность способна вывести из себя даже улитку, не то что нервных старых дев.

— Сволочи. Сталина на них нет, — подхватила Алевтина, подергивая на куриной шее янтарные бусы, — но как это похоже на Алку — взять и куда-то свалить, не оставив адреса!

Однако Агния воспротивилась:

— Как раз не похоже. Алка никогда никуда не уезжала, не оставив адреса, даже в молодости. Вспомни.

Алевтина, подумав, взяла свои слова обратно. В самом деле, даже по молодости сестранепоседа всегда отчитывалась, куда едет, на сколько и когда вернется, и, отправляясь за хлебом или поболтать к подружке в соседний дом, всегда прощалась, «на всякий случай», «мало ли что». С возрастом она стала еще более внимательной к этим вещам, потому что час, когда произойдет «мало ли что», неумолимо приближался.

— Послушай-ка, а знаешь ли ты что-нибудь о ее квазимуже? — спросила она как бы мимоходом.

— Каком муже? — неталантливо солгала Агния и зарделась.

Речь шла о некоем человеке, с которым сестра Алла на старости лет проживала в так называемом гражданском браке. В загс она более идти не собиралась, утверждая, что ей, несмотря на вдовье состояние, девичья свобода дороже.

По ходу выяснялось, что информационное эмбарго соблюдалось несерьезно, без должной строгости. Алевтина, хотя и сурово хмурила брови, имела за собой тот же грешок. Совместными усилиями, намеками и недомолвками они восстановили примерную картину отношений сестры: ее избранник — вроде бы из «понаехавших», вроде бы родом откуда-то из Поволжья, как бы занимается научной работой, как бы бессребреник, романтик в начищенных туфлях и прочая, прочая.

Вариантов описаний много, бесспорно было лишь то, что Алла гораздо старше его.

— Нет, это уже полное безумие, — решительно заявила Агния, — почему ты мне ничего не сказала? Это надо прекратить.

Алевтина возмутилась:

— Я не сказала? Допустим, не сказала, а как я могла сказать, если ТЫ не сказала МНЕ?

— А мне откуда было знать? — по привычке солгала сестра, смутилась и замолчала.

— Ладно, довольно тыкать друг в друга перстами. Надо поехать и разобраться на месте.

— Сейчас?! — снова взвилась Агния.

— Что, ты занята? — холодно спросила Алевтина.

— Нет.

— Что и требовалось доказать. Засим прекращай пререкаться и надевай шляпку.

До дома Аллы, как было сказано, было недалеко, всего две остановки на метро, далее пять минут черепашьям шагом старух — и вот уже искомый дом, уютный одноподъездник красного кирпича, с бесстыдными просторными лоджиями (возмутительно было и то, что они вообще имеются), расположенный в зеленом, чисто убранном дворе. Несмотря на то, что и до станции метро, и до крупного проспекта рукой подать, никакого шума слышно не было.

Неподалеку имелось как минимум два достойных продуктовых магазина — непозволительная роскошь, непривычная для обитателей центра. Они-то считали необходимым таскаться за «органическими», «натуральными» продуктами с тележками в ближайший (и дорогий) эко-супермаркет как минимум на двух видах транспорта.

В подъезде этого дома на окраине нахально не воняло ни кошками, ни бродягами (непременного атрибута любого дома благородного центра). А как было тут вызывающе чисто! И как смели все эти почтовые ящики иметь дверки, висеть на надлежащих местах и закрываться на замочки? Вдобавок и лифт ходил, и кнопки были целы, а стены — не расписаны.

Поднялись на четвертый этаж — и огорчились еще больше.

— Пошехонцы, — процедила Агния с плохо скрываемой завистью.

— Согласна, — с отвращением согласилась сестра, с аналогичным чувством рассматривая дверь квартиры родственницы, стальную, блестящую (да еще и с одним-единственным звонком! Ну и счетчиком, разумеется).

Раскалившись до последнего предела, они принялись давить на кнопку. Звонки работали, но никто не открывал. За проклятой сейфовой дверью ничегошеньки не прослушивалось. Повторив попытку несколько раз, сестры набросали на листке краткую записку резко предписывающего содержания («Позвони немедленно» и т. д.), положили послание за ручку двери и несолоно хлебавши собрались восвояси и даже вызвали для этих целей лифт.

Тот не замедлил приехать и вывалить еще неприятностей. Он привез в своих недрах троих противных субъектов: двух отвратительно энергичных женщин и одного непозволительно спокойного мужчину. Которые к тому же с порога лифта повели себя странно.

Во-первых, когда разъехались двери, они немедленно замолчали, хотя весь путь с первого этажа оглушительно болтали. Во-вторых, покинув лифт, синхронно и со свистом втянули носами воздух, с подозрением меряя сестер пронизывающими взглядами.

Одна из этих энергичных — тощая, с толстой папкой, — осведомилась нагло:

— Вы что, сюда? — и показала на дверь Алиной квартиры.

— А вам какое дело? — вскинулась Алевтина, но Агния, быстрее сориентировавшись, признала, что да, и вкрадчиво спросила:

— А почему, собственно говоря, вас это интересует?

— Потому, что если вы насчет сделки, то можете отправляться обратно, — заявила она.

— Сделки? Какой сделки? — с замиранием сердца спросила Агния. Соображала она достаточно быстро, поэтому перед глазами старой девы начала собираться темная мгла.

Тошя нахалка нагрубилась: «Никакой», и уверенно надавила на звонок. Ей тоже никто не ответил.

— Что, никого? — осведомилась другая женщина, небольшая, весьма округлая и налистая, как горшок с маслом. — А ну-ка дай-ка я.

И, отстранив тошю, зачем-то позвонила сама, как если бы умела давить на кнопки как-то по-особому. Разумеется, результат был таким же.

Тошя энергичная пробормотала:

— Странно. Только что звонила, утверждал, что дома.

— Кто утверждал? — спросила Агния.

— Что встречается? — возмутилась толстая.

— В самом деле, вам-то какое дело? — подержала тошя.

— Ну хотя бы такое, что в этой квартире проживала наша сестра, — звеня от негодования, но все-таки сдерживаясь, поведала Алевтина. ■

— До революции? — сострила тошая.

— Идите-ка вы своей дорогой, — посоветовала толстая.

Алевтина открыла было рот, чтобы пальнуть риторикой из главного калибра, но более разумная Агния, торопливо извинившись, затолкала сестру в лифт и нажала кнопку.

— Что происходит?! — бушевала Алевтина уже во дворе, тем не менее покорно следуя за Агнией. — Что за ерунда?

Та некоторое время молчала в раздумьях и наконец возразила:

— Боюсь, что это уже не ерунда. Пожалуй, надо обращаться в полицию.

ГЛАВА 2

После отбытия сестер вся компания некоторое время топталась у закрытой двери, терзая звонок, и уже собирались было уходить, но дверь вдруг открылась как ни в чем не бывало:

— Прошу вас, заходите.

Обитатель квартиры — светлоглазый, положительного вида мужчина, лет тридцати, с чисто выбритой головой и плохо — щеками, в домашнем костюме и до блеска начищенных туфлях — посторонился, пропуская пришельцев:

— Извините, что заставил вас ждать. Работал, знаете ли, увлекся. Сразу не расслышал.

Он вытащил из-за дверной ручки записку, оставленную старыми девами, пробежал глазами и положил в карман.

Флегматичный мужчина и низенькая толстая женщина вошли в квартиру и запросто по-хозяйски принялись расхаживать по жилплощади, которую явно освобождали. Повсюду какие-то вязанки, узлы, черные мусорные мешки.

Тошая принялась домогаться хозяина:

— Что за старые курицы? — требовательно, пусть и вполголоса осведомилась она. К слову, энергичная дамочка, в ней за версту угадывался риелтор.

Мужчина, который не спускал глаз с пришельцев, контролируя их траекторию по квартире, ответил рассеянно:

— Понятия не имею, о чем ты.

Риелторша продолжала придираться, пусть вполголоса и сквозь зубы:

— Ты утверждаешь, что вправе полностью распоряжаться объектом, а какие-то побитые молью бабки в шляпках городят за какую-то сестру. Сережа, что за хрень?

Сергей процедил, так же не разжимая белоснежных клыков:

— Ты вроде бы читать умеешь. И доверенность видела. Самую генеральную из всех. Нотариально удостоверенную. К чему эти разговоры?

— Я-то ничего, но ты же понимаешь...

Он оборвал:

— Я — нет, не понимаю. Залезь в свою папку, еще раз посмотри, перечти, если угодно. Чьи в доверенности ФИО?

— Твои, твои, не заводись.

— Тогда что еще надо? Только из-за того, что мы с тобой, голубка, не первый день знакомы, не одну ложку дерьма сожрали, я с тобой дело имею. И так продаю с космическим дисконтом, и лишь потому, что у меня нет времени и денег.

— А я...

— Нет, я. Это я могу и без агента обойтись.

Тощая серьезно обиделась, и, сузив глаза, осведомилась, даже прошипела:

— Вот и я хотела бы уточнить, к чему такая спешка? А заодно и старые кошелки. Что-то не чисто, а, Сережа?

Он впервые отвлекся от пришельцев и полностью посвятил все свое внимание визави. Правда, смотрел на нее уже как-то по-иному, не так, как надлежало взирать на порядочную женщину, тем более риелтора. Светлые холодные глаза смотрели на нее с такой вкрадчивостью и мягкостью, как если бы каннибал-гурман взирал на пухленького туриста, забредшего в глухие джунгли, причем как раз к ужину.

— А ты, солнышко мое ясное, изволишь сомневаться в чистоте предлагаемой МНОЮ сделки? Или, мать твою, считаешь невыгодной?

— Сережик...

— Э-э-э-э. Постой. Я, стало быть, послушно прыгаю с бубном, шляюсь по банкам, как олень с бумажками бегаю, а ты, милая моя, солнышко лесное, задний ход даешь?

— Сереженька...

— А. Малая цена не устраивает. Понимаю. ■ Так я прямо сейчас объявляю о том, что повы-

шаю цену на двадцать процентов. По твоему своевременному совету, — подчеркнул он.

— Да ты что?! — шепотом вскричала риелтор.

— ...а лучше тридцать пять. Отличная круглая сумма. Что, я пошел?

— Серенький, нет. Остановись. Помилуй. Не надо, — горячо попросила она, делая такое движение, как будто собираясь пасть на колени.

Повернувшись так, чтобы случайному наблюдателю не было видно этой перемены, он бережно, но очень крепко подцепил ее длинными пальцами под челюсти — фактически за горло.

— Тогда заткнись и не задавай глупых вопросов, — процедил он, умудряясь одной стороной лица скалиться волком, другой — вежливо улыбаться покупателям. У него вообще было удивительно эластичное лицо, на котором, как на табло, отображалось все, что бы он ни говорил.

Когда покупатели вернулись к ним, то увидели лишь дружески общавшихся риелтора и продавца, который, улыбаясь, давал любезные пояснения:

— Здесь, как можно легко видеть, почти шестьдесят квадратов, кухня девять и полноценный отдельный санузел. Для «вторички» в доме семьдесят пятого года постройки, согласитесь, большая редкость.

— Да уж, богатая хатка, — кивнула женщина.

— Это индивидуальный проект, реализованный для союзного Министерства обороны. Смотрите, какие потолки, — он поднял длинную руку, — без двадцати сантиметров три метра.

— Тут ремонт нужен, — флегматично вставил мужчина, грузный, с висячими усами и маленькими сытыми глазами.

— Полагаю, для вас это не проблема, — вежливо предположил хозяин, — ну а приложить руки ко всему приходится. Вы с маткапиталом берете?

— Да.

— Тогда тем более. Тут в шаговой доступности гимназия и лицей, одних развивающих центров штук десять. Два метро в шаговой доступности — «ВДНХ» и «Алексеевская». Ну-с, мы договорились?

— Почему так дешево? — прямо осведомилась дама.

— Могу поднять, — любезно ответил он.

— Нет, я просто...

— Послушайте, уважаемая, — уже не чинясь, прервал Сергей, — вот жилплощадь, вот гендоверенность, мне поручено продать ее как можно скорее. После ухода жены...

— Извиняйте.

— Спасибо. Она меня бросила.

— Тю, — с некоторым недоумением протянула женщина. Она уже успела осмотреть и оценить вообще все — мебель «мейд ин соцлагерь», тахта, увязанные тома подписных изданий, роскошные, но старомодные шторы, обилие ков-

ров и прочие атрибуты возрастных дам, вплоть до едва заметного аромата типа «Мажи нуар» — и потому не грех было и удивиться. Сколько же лет было этой ветреной кокетке, бросившей тридцатилетнего симпатичного мужчину?

— Ничего, с этим вполне можно жить, — любезно, хотя и суховато ответил он, — в любом случае я желаю как можно скорее покинуть этот дом, в котором изначально мы были так счастливы. Собираюсь вернуться на родину.

— Да? — удивилась покупательница, которая с семейством проделала как раз обратную операцию. — А вы, не извольте гневаться, откуда будете?

— Я с Поволжья, — кратко ответил хозяин.

«Вот так так. Приезжий. Квартира не его, — соображала покупательница, все более и более удивляясь, — получается, тетка-москвичка бросила не только его, но и свою собственную жилплощадь. В Москве, да еще в двух остановках до центра. Странновато все это. И хлопчик-то на вид вроде ничего себе...»

— Итак?

Но ведь квартира была просто великолепна, документы, вплоть до последней бумажки, в порядке, стоила она вдвое, а то и втрое больше того, чем запрашивал этот псих. Хотя насчет психа тоже не все так бесспорно: свежие справки из диспансеров также присутствовали и без звука были предъявлены, стоило лишь потребовать. В собственности, правда, квартира была лишь полгода, но это проблема продавца. Все,

кто надо, «благословили» сделку и даже одобрили ипотеку...

Однако жена и все, что с ней связано, — эти моменты покупательницу смущали:

— То есть вы еще не развежены.

— Мы и не расписывались. Постарайтесь понять, что есть люди, для которых штампы в паспортах не имеют значения, — высокомерно пояснил одинокий «супруг», — к тому же и вам удобнее, формальностей меньше. Доверенность перед вами.

Это была самая генеральная из всех доверенностей от имени ветреной «супруги», изготовленная на нотариально удостоверенном бланке. Совпадали и фамилия, имя, отчество, — Рубцов Сергей Владимирович, — и год, число, месяц рождения, — тринадцатое марта тысяча девятьсот девяносто третьего года, — серия, номер, дата выдача паспорта — все совпадало до черточки.

Придраться было не к чему, разве что...

— Извиняюсь, а где это — Тарасов? — уточнила покупательница, просто для очистки совести.

— Поволжье, — лаконично сообщил Сергей.

— Ну а почему там, а не в ближайшей конторе за углом?

Он пожал плечами:

— Потому что тут это стоит пять, а там — полторы. Мы ездили в отпуск, с палаткой на Волгу. Не исключаю, что она все для себя решила уже тогда — ну и предложила зайти в ближайшую на тот момент контору.

— Я имею в виду...

Сергей коротко глянул на риелторшу. Та поняла и среагировала моментально:

— Послушайте, если вас что-то смущает...

Тут подал голос мужчина, который сказал, подводя несомненный итог:

— Ничего никого не смущает. Все устраивает. По рукам.

Договорившись о деталях, они разошлись.

Впрочем, в лифте жена никак не могла уняться:

— И все-таки я не понимаю, как это тетка в возрасте убежала от молодого мужика, да еще из собственной квартиры...

— Если она вполнину такая же дурная, как ты, то что дивиться-то, — философски произнес муж.

Она надулась, но не сказала ничего.

ГЛАВА 3

Очередная история началась с классических девичьих посиделок на кухне. Я пребывала в благодушно-философском настроении, а инициатором традиционно выступила Ленка, которая ни с того ни с сего провозгласила:

— А я по-прежнему считаю, что привлекательному человеку можно многое простить!

Таня Иванова (в моем лице), особа, славящаяся терпением, логикой и либерализмом, немало удивилась. Мне-то казалось, что дискус-

сию прикрыли в самом ее начале, — по крайней мере я точно помню, что махнула ручкой и сказала: «Чушь». А на самом деле все это время подруга моя Ленка подбирала для нее дополнительные тезисы.

— Если ты разъяснишь свою позицию...

Ленка присвистнула сквозь зубы, но ответила корректно, без сомнения, гордясь своей сдержанностью:

— Я имею в виду, что человеку, который внешне вполне привлекателен или хотя бы приятен, можно многое простить. Люди, которым с вывеской не особо повезло, вынуждены прилагать для этого гораздо больше усилий.

— Британские ученые установили? И почему же только такому? Мне говорили, и неоднократно, что людей вообще всех, даже уродов, прощать надо несчетное количество раз, — напомнила я и все-таки уточнила: — Конечно, если только они совсем уж не борзеют.

Ленка нетерпеливо отмахнулась:

— Да не об этом речь, а о том, что человек, внешне приятный сам по себе, всегда более привлекателен.

— Ты сегодня леди Очевидность?

Подруга прищурилась:

— Фи донк, а что оригинальничать? Сейчас, между прочим, многие строят из себя великих оригиналов, возводя в абсолют уродство и ненормальность. Хотя абсолютно всем известно, что красивый или, по крайней мере, приятный внешне человек — куда более привлекателен, нежели урод, пусть сто раз хороший и умный.

— Бесспорно, — согласилась я, — но это же ненадолго. Нельзя же людям вечно лгать. Как только выяснится, что красавец на самом деле редкая поганка и сволочь — так и морок разойдется.

Ленка открыла рот — и закрыла. Подумала-подумала да и согласилась, хотя не без оговорок:

— Да, но период между «нельзя вечно» — и «как только выяснится» может быть достаточно длительным для того, чтобы...

Она запнулась, соображая. Я помогла:

— Удовольствие получить?

Подруга возмутилась:

— Нет, ну какая ты все-таки, Танька. Нехорошая! А вот пусть хотя бы и так. Что же, потвоему, иллюзия ничего не стоит?

— Стоит, стоит, — успокоила я Ленку, — причем много чего стоит: здравого смысла, разума, благосостояния, самоуважения...

— Да неужели?

— Так учат нас история человечества и жизненный опыт, — кротко заметила я.

— С софистами не дискутирую, — решительно заявила подруга, — все поверяется практикой. Хотя...

— Что-то здравое услышала в моих словах? — подбодрила я. Пусть не думает, что я собираюсь ее добивать или гнушаюсь дискуссией.

— Ничего здравого не услышала, — едко отозвалась подруженька, — просто, переходя по аналогии, вспомнила бабуриту...

— Чего?! — переспросила я с понятным испугом.

— Не чего, а кого. Бабу Риту, — более раздельно и понятно повторила Ленка, — это моя давняя знакомая, можно сказать, приятельница. Феноменальная тупица.

— Ничего себе, — пробормотала я, поеживаясь, — надеюсь, ты не о всех своих друзьях так отзываешься за глаза.

— Ну а что делать, если она в самом деле тупица? — хладнокровно повторила та. — Ты-то нет.

— Спасибо и на этом.

— На здоровье. Ты будешь слушать продолжение?

— А у меня есть выбор? Давай излагай.

— Ну так вот, — никак не отреагировав на мою шпильку, начала подруга, — Баба Рита — это прозвище, на самом деле не такая уж она старая. Просто крупненькая, шумненькая и глуповатенькая, настоящая баба на чайник. Правда, сердце у нее — чистое золото. И вот собралась она впервые замуж...

В целом, история, которую поведала мне Ленка, была до ужаса смешна и до смешного ужасна. Так называемая Баба Рита, прожив в девках до внушительных лет — будем деликатны, — вдруг встретила Того Самого.

Ленка перечисляла его многочисленные преимущества, используя традиционные эпитеты — образованный, умница, порядочный, предприимчивый, внимательный и т. п., — да так аппетитно, что я не удержалась и уточнила:

— ...симпатичный!

Ленка показала язык:

— А то как же. Чрезвычайно! Практически Джонни Депп. Или Бред Питт. Или Алан Делон. Только рыжий.

— Отпусти душу на покаяние, — взмолилась я, — как может один человек, с одной-единственной головой, к тому же рыжей, одновременно походить на трех абсолютно разных людей?

— А вот представь себе. В общем, все шло просто как в кино, а потом он пропал.

— Э-э-эх! И что, так и не сходила Баба Рита под венец?

— Сходила, — уточнила Ленка, — они расписались. Пропал он после.

Каюсь, не удержалась от дамской шпильки:

— После брачной ночи? Что-то не порадовало?

— Фи, — сморщила она носик, — снова ты со своими ехиднами. Нет, там все прошло на высоком уровне, иначе с чего Ритка до сих пор вздыхает, заливаясь краской и слезами.

— Ну если он первый такой удачный...

Ленка со значением подняла палец:

— Ошибочка! У Ритки уйма поклонников с юности. Она, может, и странненькая, но по своему хороша и оригинальна. Многим нравится, кто ценит открытость и ядреные формы. В любом случае я все это к чему: переживает хороший человек. Может, поговоришь с этим заместителем фонтана на главной площади? Я-то считаю, что мальчик свалил насовсем, но меня

она вряд ли послушает, а вот мудрую женщину, которая славится своей добротой и объективностью...

Я смирила ее неодобрительным взглядом:

— Ленка, ты пытаешься мной манипулировать, к тому же с помощью грубой и неприкрытой лести.

— Именно, — невинно подтвердила она, — и как у меня, получается?

— Да, но соглашаюсь я не поэтому, а исключительно из человеколюбия и сочувствия к простому женскому горю.

— Тогда я ей твой телефончик даю, — деловито завершила мою мысль подруга.

И слово свое сдержала.

ГЛАВА 4

Люблю я Ленку. Никогда с ней не скучно — это раз, и таких же увлекательных людей к себе притягивает — это два.

Баба Рита позвонила практически тотчас — у меня сложилось впечатление, что Ленка эволюционировала в чистую энергию. Молниеносно она умудрилась покинуть мою обитель, добраться до дома и звякнуть подруге.

Итак, Баба Рита очень быстро позвонила и поздоровалась. Голос, против моих ожиданий, у нее оказался достаточно приятным, речь — вполне грамотной, а разговаривала она связно и убедительно. Так что в итоге мы договорились встретиться. Хотя я немало удивил-

лась, с чего это согласилась, наверное, опять-таки из чистого человеколюбия.

При личной встрече Баба Рита немедленно произвела ошеломляющее, неизгладимое, масштабное впечатление. Крупные, яркие ореховые глаза, прямо-таки римский нос, большие завитки темно-каштановых волос, словно выпрыгивающие вперед цветы на платье, и такие серьги и бусы, что даже при желании их нельзя было не заметить... проще говоря, вся она была просто огромная. Когда она вошла, кофейня закончилась.

К тому же на голове у нее красовалась колоссальная соломенная шляпа с широченными полями и пышным пером, на плечах — темно-кофейный жакет, отделанный какими-то блестяшками, в ушах болтались золотые сережки-подвески. Присмотревшись, я заметила чуть видный след на переносице. Похоже, моя новая знакомая близорука и стесняется этого. Складывалось впечатление, что передо мной душевная, добросердечная, довольно-таки состоятельная, искренняя и — да, Ленка права, недалекая женщина.

Баба Рита приступила сразу к делу:

— Главное, что вам нужно знать: Максим меня любит, это не обсуждается.

Я кивнула, решив масштабные вопросы не оспаривать. Страшновато лишать такую женщину иллюзий.

— Понимаю, о чем вы думаете, но еще раз повторю: это чистая правда. В своей жизни я много ошибалась, но тут я уверена на все сто

процентов. Это кристальной честности человек, открытый, ранимый, искренний. Взгляды, прикосновения, подавленные вздохи — можно подделывать что-то, но ведь не все же.

— Ну да, не мог же он все время врать, — поддакнула я не без скрытого ехидства.

— Именно! Вот, вы совершенно верно и тонко подметили, — обрадовалась Баба Рита, — да. Он очень несовременно, долго ухаживал, с гитарой, цветами и конфетами, долгое время не осмеливался даже притронуться, не то что поцеловать или претендовать на что-то большее.

Она подняла к потолку свои огромные бездонные глазища в густых длинных ресницах (вот как, оказывается, выглядят волоокие!) и продолжала вещать, как в трансе:

— Вы знаете, наша встреча... мне показалось, что я попала в сказку, в поразительную реальность, где сбываются мечты. Я просто шла за хлебом, а он шел навстречу, держа в руках большой букет роз...

— Алых? — не удержалась я.

— Да.

— В черном плаще? — снова не удержалась я.

— Да, — повторила она, глядя на меня уже со священным страхом и уважением.

— Длинном? — не унималась я.

— Именно! В черном длинном плаще, в начищенных до сияния туфлях, свитере под горло, в красном шарфе и... в шляпе.

■ Я чуть не прыснула, но одобрила:

— Эффектно, — подумав про себя, что вот, мол, говорят: штампы, штампы, а между тем классика всегда срабатывает.

— Меня поразила не столько его... ну да, красота, а прямо-таки нечеловеческое, ужасное одиночество в его глазах, когда он снял дымчатые очки...

— Очки?

— Да, скорее всего, у него глаза такие же слабые, как и у меня.

С трудом подавляя желание потыкать ее пальцем — не кажется ли мне она? — я осторожно спросила, кто она по профессии.

— Вообще, бухгалтер, — ответила Баба Рита, с некоторым недоумением.

Сегодня прямо-таки день удивлений. Вроде бы профессия, требующая как минимум здравомыслия и трезвости.

— Трудитесь много? Сверхурочно? Устаете, наверное? — продолжила я, имея в виду «в том числе и соображать».

— Нет. Теперь, когда я вообще-то не нуждаюсь в средствах, работаю только для удовольствия, по просьбам друзей, помогаю по доброй воле.

Интересный моментик. Получается, она профессионал в своей сфере, иначе с чего бы люди поручали ей ведение своих финансовых дел. Стало быть, погружение в идиотизм — не перманентное ее состояние, а так, от случая к случаю. Попробуем запомнить этот нюанс, возможно, придется вернуться к нему в будущем.

— Итак, вы совершенно случайно познакомились с... Максимом, верно?

Она снова возвела вдохновенные очи горе:

— Максим Максимович, фамилия Маевка. Да, совершенно, совершенно случайно. Вот так судьба распорядилась. Он даже не знал, кто я...

Судя по всему, Баба Рита — это что-то известное. Или запрещенное? Разумеется, это я так подумала, но уточнять вслух не стала. Зачем обижать хорошего человека, потом можно будет выяснить подробности.

Однако моя собеседница — нет, серьезно, славная женщина, — уловив, что суть ее уникальности от меня ускользает, решила поведать о себе сама:

— Дело в том, что обо мне довольно часто пишут в газетах, так что я своего рода знаменитость. Вы прессу не читаете?

— Как вам сказать, — замылась я.

— Понимаю, — совершенно без обид ответила она, — у вас работа такая, времени нет. Не считите за хвастовство, все, что я сейчас изложу, — чистая правда.

Бухгалтер, который готов поведать чистую правду. Оксюморон. С другой стороны, пристыдила я себя, человеку плохо, человек просит помощи — тут что угодно поведаешь.

— Я постараюсь кратко, — пообещала Баба Рита, — про меня много писали и говорили, и далеко не все правда. А вот факты: я получила наследство от родственника, пропавшего до революции. Оказалось, что он эмигрировал в Швейцарию, прихватив немало денег, и скон-

чался, оставив мне довольно много тамошних франков.

— Понимаю.

— Потом ситуация сложилась еще более забавным образом: я нашла и вернула владельцу папку, в которой оказались крайне важные документы. Они помогли ему избежать тюрьмы, и он отвалил довольно щедро...

— Вот это вообще не вызывает никакого удивления.

— Да. Потом имела место еще пара моментов, но это уже по мелочи. Наконец, мне выпал крупный выигрыш в лотерею.

Я лишь головой покачала:

— Маргарита Николаевна, вы удачливы. То есть под счастливой звездой родились.

Баба Рита согласилась — просто, безо всякой само- и просто иронии:

— Это чистая правда, как я и сказала. Присутствует. Моя мама-покойница утверждала, что мне с рождения практически во всем сопутствует удача. Еще даже когда она была мною беременна, мы умудрились упасть с лестницы, прокатились два пролета, мама сломала ребро — а мне хоть бы что.

— Практически невероятно, — признала я, — но я вам верю.

— Спасибо. Вы знаете, гадалки-астрологи вообще не хотят иметь со мной дело, им со мной скучно. А одна так как-то раз заявила, что если бы я свернула шею, поскользнувшись на банановой шкурке, то обязательно бы поскользнулась на второй и вправила бы шею обратно.

Нельзя не порадоваться за нее, правда? Я и радовалась, но недолго, Баба Рита меня огорчила.

— Вот на личные дела этот принцип не распространяется, — сокрушенно призналась она, — видите, мне уже немало лет, а вот по-прежнему ни мужа, ни детей. Да и близкие, и родственники все уже покинули этот мир. Одна как перст. Вот почему мне так дорог Максим...

Она замолчала и сглотнула. Я поспешила ее отвлечь от грусти и рефлексии:

— Да-да, давайте вернемся к вашему супругу. После того как вы познакомились, вы, конечно же, встречались. Давайте припомним, как проводили время.

— То есть как? — зарделась Баба Рита, опустив глаза.

О ужас, нет, я это не выдержу. И поспешила уточнить:

— Нет, в интимных подробностях, конечно, не надо. Скажем, куда ходили, где гуляли, встречались ли вы вместе с друзьями-знакомыми, возможно, он чем-то особо интересовался.

Баба Рита погрозила неожиданно изящным, даже чуть заостренным пальцем:

— Я понимаю, к чему вы клоните. Но я могу утверждать с полной ответственностью: он совершенно не интересовался ничем материальным.

— Деньгами, — уточнила я.

— Нет, — решительно возразила она, — нет и нет. Его все это не интересовало. За все время нашего знакомства Максим вел себя в этом

вопросе не просто, а крайне щепетильно. Он лично для себя ни разу ни рубля у меня не взял.

— Лично для себя?

— Ну, конечно, он же ходил за продуктами, обязательно принося мне цветы... ну и гардероб его знал лучшие времена. Но он, знаете ли, даже отказывался из своего свитера вылезать, мол, я к нему привык, а этот — слишком новый. Обычные рубашки и костюмы принимал исключительно по моей инициативе и после долгих уговоров. Даже автомобиль согласился принять лишь после того, как я втолковала, что нуждаюсь в запасном водителе... Иной раз мне казалось, что он презирает деньги, по крайней мере избегает прикасаться к ним.

Да, в век безличных расчетов это прямо редкое качество и трудная задача.

— Ну а если говорить о совместном времяпрепровождении, то вы предпочитали проводить время, встречаясь на вашей территории?

— Не только. Мы и на природе гуляли, рыбачили, жгли костры, встречали рассветы. Он божественно играет на гитаре. Говорил, что любит сумерки и одиночество, и я думаю, что он весьма застенчив и не любит привлекать к себе внимание. Хотя у него прекрасный голос, он говорил очень тихо, на испытаниях жестоко застудился и с тех пор у него ослабли голосовые связки. Хотя мне казалось, что он смущается...

— Почему?

Баба Рита с улыбкой умиления поведала:

— Картавит чуть-чуть. Это так мило. Но с ним и молчать было очень приятно. Мы хо-

дили в кино, на романтические комедии, выяснилось, что мы оба любим, в театре бывали...

— Рестораны, кафе?

— Нет-нет, — решительно возразила она, — терпеть не могу общепит, предпочитаю готовить сама, из проверенных продуктов. Поверьте, я немало сопровождала такого рода заведения — ужасная антисанитария и нарушение всех норм.

— Скажите, пожалуйста, а проживали вы отдельно? До свадьбы, я имею в виду.

— Да, Макс считал неудобным, не будучи официальным супругом, поселиться у меня в квартире. Хотя, и вы наверняка меня понимаете, я была бы не против.

Я не понимала, но кивнула.

— ...благо возможности имеются, у меня и квартира вполне удачно расположенная, и за городом дом, прямо на берегу Волги, в тиши и уединении.

Отлично-то как.

— Прошу вас не обижаться, но в целях дела я просто обязана уточнить: у вас много недвижимости?

— Так и есть, а что обижаться-то, вы же не налоговый инспектор, — немного удивившись, подтвердила она, — а то как же, имеется. И достаточно. В наше время это лучшая инвестиция. В Тарасове, помимо квартиры, где я обитаю, имеется еще две, в Покровске — еще кое-что. Ну и по мелочи — несколько гектарчиков на берегу Волги, под застройку, под дачи, еще...

Ощувив недостойное чувство зависти, я подняла руку:

— В целом, понятно. А Максим, судя по вашим словам, обо всех этих объектах не знал.

— Ну, я, конечно, не особо распространялась... по определенным причинам. Однако он ездил по моему поручению получать арендную плату с жильцов. И несколько раз в качестве водителя доставлял меня и потенциальных застройщиков на осмотр участков.

Я вспомнила Ленкины слова: феноменальная тупица. Ах, как верно подмечено.

— Машина, конечно, тоже имеется.

— Да, есть по мелочи. «Смарт» для поездок по городу, с пяток «реношек», сдаются под такси. «Гранд Чероки» для шашлыков и рыбалки... его мне удалось вручить Максиму.

«Повезло парню. Эх, мне бы хоть десять процентов от подобного прозябания», — загадала я желание на Новый год. Пусть до него еще долго, такие заявки надо делать заранее.

— Хорошо. А о самом Максиме вы что-то знаете? Работа, родители, чем занимается?

Баба Рита заявила, что это довольно большая тайна:

— Видите ли, его работа связана с ракетами и обороной... какое-то сокращение, наподобие «реввоенсовета».

— Эрвээсэн? — подумав, уточнила я.

— Да-да, вот это слово. Он очень интересно рассказывал о своей разработке, твердотопливных двигателях для ракет... я мало что поняла, но это перспективно. Я предложила инвести-

ции, на дрова и инфраструктуру, но он возмутился: это внутреннее дело государства, тут не место частным лицам.

— То есть он занимался некой научной деятельностью, связанной с обороной.

— Да-да, нечто вроде того. Я не раз слышала, как он обсуждает с кем-то по телефону: что-то под «МиГ» не влезет, длину уменьшаю, то канал появляется, если уменьшить толщину свода за счет увеличения длины и так далее...

— Очень интересно, хотя и непонятно. Да в целом, это и неважно. Давайте вернемся ко дню вашей свадьбы.

ГЛАВА 5

Баба Рита немедленно потухла и затуманилась так искренне, что мне стало неловко. Тетка-то комичная, но горе неподдельное, да и вообще несмешно.

— Вы знаете, когда правда о моем благосостоянии вскрылась, произошла некрасивая сцена. Максим очень расстроился и даже как-то отдалился. Несколько дней мы не общались, но потом он все-таки возник на пороге, все-таки решился и сделал предложение. Я считаю, это был мужественный поступок, это далось нелегко. Он весьма волновался, постоянно подчеркивал, что он не пара мне, что вряд ли сможет обеспечить мне все то, к чему я привыкла.

М. Серова

■ В общем, мы расписались в загсе по моему ме-

сту жительства. На свадьбе никого не было, он так же, как и я, одинок.

— Понятно, понятно, — кивала я, изучая протянутое свидетельство о браке.

Максим Максимович Маевка, Гутман Маргарита Николаевна... а уж разница в возрасте — ой, мама!

— Кстати, вы знаете, где он проживает?

Баба Рита горестно покачала головой:

— Возможно, вы сочтете меня легкомысленной, но нет. Я так боялась все испортить.

Я снова кивнула, приглашая продолжать.

— После регистрации мы поехали за город, там провели ночь, а наутро выяснилось, что Максим пропал. Я проснулась уже в одиночестве. Машины не было, я вернулась на такси.

— Когда это случилось?

— Неделю назад. В пятницу. С тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

Повисла тяжелая тишина. Честно говоря, понятия не имею, что говорить в такие моменты, но все-таки сделала попытку воззвать к разуму собеседницы:

— И вы не допускаете мысли о том, что он просто... ну, обошелся с вами бессовестно?

Баба Рита возразила решительно и безапелляционно:

— Нет. Никогда не поверю. Такой человек не мог поступить скверно.

— То есть вы считаете, что он пропал потому, что с ним случилось нечто плохое.

— Безусловно. За эту неделю я много передумала, в памяти всплыло множество деталей... ■

да-да, и теперь припоминаю, что он пытался что-то до меня донести, рассказывал о своих друзьях по службе, по горячим точкам и миссиям, о которых даже теперь нельзя говорить. Он даже постоянно менял симкарты, звонил с различных номеров...

— И снова не обижайтесь, Маргарита Николаевна, а вы... ну, никогда не залезали в его телефон?

— Мне бы и в голову это не пришло, — с достоинством заявила Баба Рита, — но на самом деле там двухфакторная идентификация, в том числе с отпечатком пальца. Максим прямо заявил, что это в моих собственных интересах, мол, не исключено, что и гаджеты прослушиваются. По-моему, у него был еще и кнопочный телефон.

— Понимаю.

— Сам он был предельно осторожен в словах. Да-да, я теперь уверена, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе зачем ему говорить такие странные вещи? И я почти могу поручиться, что вот и оправдались его опасения.

Ее голос осекся, она достала платок, какое-то время строила ужасные гримасы, честно пытаясь сдержаться, но в итоге все-таки расплакалась.

— Маргарита Николаевна, все-таки для таких ужасных предположений нужны более веские основания, — заметила я осторожно.

Баба Рита всхлипнула:

— А я нашла кое-что. Его свитер... тот самый, старый, любимый, который был на нем

в день нашего знакомства. Он был залит чем-то... простите, я не могу спокойно говорить... чем-то алым.

Я деликатно подкинула версию:

— Вино?

— Скорее сок, у него аллергия на вино, — подхватила Баба Рита, и в ее голосе звучала надежда на лучшее, — я сама изо всех сил надеюсь на это, но вы же понимаете, самое ужасное — это неизвестность! Явно произошло какое-то несчастье. Какой смысл затащить девушку в загс, а потом скрываться! Вот если бы он занял денег или хотя бы проявлял интерес к моим деньгам, — так ведь нет! Что могло случиться? Я с ума схожу, я не сплю ночами!

Ох как скверно-то. В голове моментально сложились и пронесли практически все возможные варианты. И, сказать по правде, я более всего склонялась к тому, что хорошо бы Бабе Рите все произошедшее забыть как страшный сон. Однако, во-первых, и в-главных, брак уже зарегистрирован, и при всем желании она все сразу не забудет. Просто не сможет по формальным причинам. Как минимум придется решать вопрос с разводом, а как иначе? Во-вторых, в самом деле странно и глупо жениться лишь для того, чтобы сбежать.

Хотя, может быть, далеко не все рассказано?

Пока я размышляла таким образом, сознание милостиво отключало ненужные внешние раздражители, поэтому я не сразу усвоила поступающие биты ценной информации:

— ...вваливаются как цыгане, прямо с детьми и узлами, лопочут что-то, все черные, глазастые, лохматые, шумные. Я туда-сюда, что за пожар, граждане? А они как развопились и ну бумажками трясти. Долго объяснялись, я-то иностранному ни бум-бум...

— Подождите, Маргарита Николаевна, я немного недопоняла. Что за нашествие языков вы описываете?

Баба Рита на самом деле оказалась женщиной терпимой и понимающей. Видимо, осознавая, что ее история трудно усваивается средними умами, она повторила свой рассказ, снабдив максимально подробными комментариями:

— В квартиру, которую я сдаю, завалились какие-то иностранные, что ли, которые утверждали, что купили ее и уже переезжают. Вот они и приперлись всем кагалом, с детьми и багажом. Что им дома не сиделось — абсолютно не понимаю.

— Я тоже, — призналась я, — а еще не совсем понимаю, как они провернули эту сделку. Без вас, законной собственницы.

— Да бес с ними, — нетерпеливо отмахнулась она, — пусть наша доблестная полиция разбирается, а этих отправили куда подальше, с детьми и багажом. Пусть не думают, что им тут все должны, цивилизованным европейцам.

— В целом, разделяю вашу позицию, но все-таки хотелось бы прояснить: на каком-то ведь основании они вообразили, что имеют право на вашу жилплощадь. Может, доводы-документы были?

Моя собеседница, снова проявив нетерпение, высказалась в том смысле, что ей абсолютно безразлично, что там за доводы-документы имелись у интуристов. Я живо представила состояние несчастных иностранцев, которые явно спасовали перед натиском и под огнем дредноута «Баба Рита». На то, что не удалось им ничего добиться, ясно указывало нежелание вроде бы пострадавшей обсуждать происшедшее.

Надо же, как интересно.

Я смотрела на Бабу Риту со все возрастающим интересом. Любопытная личность! Казалось бы, так легко попалась на удочку явного мошенника, а вот, речь зашла о реальном преступлении — и все разрулила прямо без проблем. И уж точно без последствий. Конечно, не те сейчас времена, чтобы по поддельным документам реально квартиры продавать-покупать, и все-таки...

Кстати! Как документы попали к затейнику данной схемки? Коим, безо всякого сомнения, является чудо-Макс со смешной фамилией Мавевка. Который, как сама Баба Рита сообщила, ездил собирать арендную плату с жильцов — и наверняка имел возможность получить доступ к документам. Ну а дальше уже дело техники. Хотя было бы очень познавательно пообщаться с теми, кто в курсе технических подробностей.

Однако пора возвращаться к нашему разговору.

Что, собственно говоря, хочет от меня моя собеседница? Этот вопрос я ей и задала, и получила ответ немедленно: